

ЭТНОЛОГИЯ

УДК 392.91
ББК 63.5 (2Рос=Калм)

**КАЛМЫКИ-ЦААТАНЫ:
К ПРОБЛЕМЕ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ЭТНИЧЕСКОЙ ГРУППЫ
И ЭТИМОЛОГИИ ЭТНОНИМА***

Э. П. Бакаева

Вопросы этнической истории ойратских народов остаются до настоящего времени недостаточно исследованными. Сложный этнический состав, многоуровневая идентичность ойратских по происхождению групп определили необходимость решения целого ряда проблем, связанных с их генезисом.

Сложение калмыцкого этноса происходило в обозримый исторический период из разных этнических групп ойратов, представлявших основные этнополитические объединения — торгутов, дербетов, хошуттов.

Этническая группа *цаатн* (цаатан) известна в Калмыкии и Монголии, что, вероятно, свидетельствует о ее древнем происхождении: единый этноним может рассматриваться как аргумент этногенетического родства.

Цаатаны среди калмыков являются этнической группой, входящей в субэтнос торгутов. В составе цаатанов выделяются следующие подгруппы: *баг-цаатн* (бага-цаатаны), *ах-цаатн* (аха-цаатаны), *ик-цаатн* (ики-цаатаны), *эркетн-цаатн* (эркетен-цаатаны), *цаатн* (просто цаатаны), *керэд-цаатн* (керяд-цаатаны), *гурвуд-цаатн* (гурвуд-цаатаны), *хөрнэхн-цаатн* (хорняхин-цаатаны).

Цаатаны входили в улус наследников Аюки-хана — его сыновей Чакдорджаба и Гунделека. Чакдорджаб как наследник получил от отца 8 тыс. семей калмыков, относившихся к керядам (*керэд*) и ики-цаатанам [Митиров 1998: 201] и называвшихся вместе «зюнами», или «зюневым улусом» [Очиров 2009а: 101–113]. Бага-цаатаны были выделены во владение Гунделека.

В последующем ики-цаатаны («большие цаатаны») оказались разделенными между сыновьями Чакдорджаба. Так, согласно «рописи Барятинского» (документа по учету состава улусов каждого из владельцев, составленного в 1733 г. князем И. Ф. Барятинским), они находились во владении Баксадая-Дорджи¹ (700 семей), Данжин-Дорджи², Дорджи-Раши, Бату³ и Добчина⁴ (по 500 семей), Гончук Джаба⁵, а также Бодонга⁶ (по 200 семей); Чидан⁷, внук Чакдорджаба, сын Досанга, владел 600 семьями «больших цаатанов»⁸ [Очиров 2009б: 89–91].

Бага-цаатаны после смерти Гунделека перешли под опеку Даши-Бирюнь (поскольку ее сын Дамрин Бамбар был болен),

¹ После крещения принял имя Петр Тайшин. Кроме ики-цаатанов, у него во владении также были керяды — 100 кибиток, Баахан эмчин шабинеры — 100 кибиток, кетечинеры — 170 кибиток [Очиров 2009а: 90].

² Владел также хошутами — 700 кибиток.

³ Владел также кетечинерами — 300 кибиток.

⁴ Он же Солом-Добчин.

⁵ В архивных документах встречается вариант написания этого имени «Гюнцюк-Джап».

⁶ Бодонг также владел керядами — 400 кибиток, замутами — 100 кибиток.

⁷ Во владении Чидана также были керяды — 1 100 кибиток, цорджин шабинеры — 500 кибиток, кетечинеры — 300 кибиток.

⁸ Ко времени составления документа поданные погибшего к тому времени сына Чакдорджаба — Нитар-Дорджи — находились в управлении Баксадая-Дорджи. Дондук-Даши владел керядами, и лишь затем к нему перешли бага-цаатаны. Другой сын Чакдорджаба — Басурман-тайджи — владел 200 семьями кетечинеров. Еще одному сыну Яндыку (Солом-Цонджалу) достались 200 семей керядов согласно разделу наследства Чакдорджаба в 1724 г. [Бакунин 1995: 34, 48; Очиров 2009а: 96].

* Исследование проведено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 12-21-03003.

а затем — хана Дондук-Даши⁹ и впоследствии были включены в улус наместника Убаши [Авляев 2002: 118]. Ко времени составления «росписи Барятинского» бага-цаатаны находились под опекой Дондук-Даши, у которого их числилось 3 500 кибиток, управлявшихся зайсангами Байсхалангом и Джамьяном [Очиров 2009б: 90].

В древнем составе торгутов К. Костенков выделял группы барун, зюн, керет, цатан и зюнгар [цит. по: Митиров 1998: 321]. Как считают исследователи, термином «зюн» обозначалось левое крыло торгутских улусов (в него входили подвластные старшего сына Аюки хана — Чакдорджаба), термином «барун» — табун-отоки Дорджи Назарова, а центром являлись ханские улусы [Батмаев 2002; Цюрюмов 2007; Очиров 2009а]. Основу этнополитического объединения торгутов составляли этнические группы керядов (*керэд*, у К. Костенкова вариант написания керет) и цаатанов (*цаатн*). Кроме них, в состав торгутов входили багуды (*багуд*) и эркетени (*эрктн*).

После ухода большей части калмыцкого народа в 1771 г. в пределы Джунгарии цаатаны остались в составе Яндыковского и Эркетеневского улусов. Незначительное изменение в родовом составе улусов выразилось в том, что часть цаатанов стала проживать в Хошеутовском улусе [цит. по: Митиров 1998: 321].

В настоящее время относительно компактно калмыки-цаатаны расселены в Лаганском и Черноземельском районах Республики Калмыкия, а также соседних районах Астраханской области, входивших до 1943 г. в состав Долбанского и Приволжского улусов Калмыцкой АССР. Но в целом состав населения любого из районов республики неоднороден и включает представителей разных этнических групп калмыцкого этноса: география расселения населения Калмыкии XX в. претерпела значительные трансформации вследствие внутренних миграций и консолидации субэтнических групп калмыков.

Особенности хозяйства и языка группы

⁹ Контроль над подданными брата Гунделека Чакдорджаба установил после его смерти, женившись на вдове Даши-Бирюнь и став опекуном над ее сыном Дамрин-Бамбаром. После смерти Чакдорджаба на мачехе Даши-Бирюнь женился его сын Досанг, подчинивший себе бага-цаатанов, но и он вскоре умер. Следующим опекуном Дамрин-Бамбара стал Дондук-Даши. Таким образом бага-цаатаны окончательно перешли в управление потомков Чакдорджаба.

цаатанов Западной Монголии У. Э. Эрдниев считал свидетельствами тюркского происхождения и калмыцких цаатанов [Эрдниев 1985: 27]: на территории Монголии цаатаны «говорят на одном из диалектов тувинского языка», хотя, как отмечалось исследователями, монгольские цаатаны «называют себя уйгурами урянхайского происхождения, а свой язык — уйгурским» [Эрдниев 1985: 27]. Проводившая в XXI в. исследования среди этнических групп Западной Монголии Е. В. Айбыж констатирует, что цаатаны Монголии считают своим родным языком уйгурский, владеют дархатским языком, но между собой изъясняются по-тувински [Айбыж 2007: 18].

У. Э. Эрдниев отмечает, что цаатаны — это не самоназвание тувинцев-оленьеводов, а название, данное им монголами, тогда как у калмыков оно стало самоназванием [Эрдниев 1985: 264]. Происхождение термина ученый связывал с их занятиями оленеводством: в монгольском языке термин *цаа* («цаа буга») означает «северный олень» [БАРМС 2002: 238]. При этом интересно отметить, что *Таа* — это почтительное обращение монгольских цаатанов к божеству Цаган эбуген (Белому старцу). Согласно мифологическому преданию, первого прирученного оленя народу цаатан дал Таа бурхан, наказав при этом оберегать оленей и получать от них блага [Батчулуун 2004: 11].

Как отмечает Е. В. Айбыж, в Монголии насчитывается несколько этнических групп тувинского происхождения, обобщенно называемых урянхайцами: алтайские урянхайцы; урянхайцы-мончаки (Г. Н. Потанин называл их *кок чулутун* — по-монг. ‘люди синих камней’), или сойоны; хотогойты; хубсугульские урянхайцы; мингаты; дархаты; а также цаатаны Ринченлхумбо сомона Хубсугульского аймака (около 200 человек) [Айбыж 2007: 17–19]. М. В. Монгуш также причисляет цаатанов к тувинцам Монголии [Монгуш 2010]. Таким образом, тувинские исследователи считают, что монгольские цаатаны по своему происхождению тувинская этническая группа, и в этом вопросе они солидарны с Л. П. Потаповым [Потапов 1961]. Согласно У. Э. Эрдниеву, группа калмыков-цаатанов также имеет тюркские истоки.

Имеется и иное мнение о происхождении группы цаатанов-калмыков. Так, Г. О. Авляев пришел к выводу, что они име-

ют монгольское происхождение, поскольку цаатаны Западной Монголии входят в состав монголов-дархатов [Авляев 2002: 119]. Однако в этногенезе дархатов принимали участие самодийские, тюркские и монгольские элементы, этот народ рядом исследователей рассматривается в качестве омонголившихся тувинцев. Е. В. Айыжы называет дархатов Хубсугульского аймака «группой тувинцев» [Айыжы 2007: 19].

Основываясь на положении, что цаатаны-калмыки — монгольская группа, Г. О. Авляев выдвинул гипотезу о том, что этнические группы калмыков цаатан и хойт имеют общее происхождение [Авляев 2002: 119–120], обосновал ее общностью родовых маркеров: тамга (знак собственности) рода аха-цаатан, проживавшего в Батутовском аймаке Яндыковского улуса — «хош-алха» (сдвоенный молоток) — совпадает с тамгой хойтов из Хошеутовского улуса, представляющую собой молоток, т. е. «алха-тамга» (молоток-тамга) [Небольсин 1852: 17–19]. Он предположил, что термин цаатан — это сокращенная форма слова цагатан в значении «обладающие чем-то белым», вероятно, это связано с названием цаган туг хойт ‘хойты с белым знаменем’ [Авляев 2002: 120]. С ним согласен Н. Н. Убушаев, отмечающий, что ойраты из племени хойт являлись хранителями белого знамени Чингис-хана, увезенного, согласно преданию, его дочерью Цецейкен, выданной замуж за потомка хойтского предводителя. «Имя „цаган туг хойт“ известно среди других народов. Л. П. Потапов среди алтайцев отмечает сеок (род) Чагандык и объясняет их имя названием реки Чаган, на которой они проживают. Однако алтайский ученый Н. В. Екеев в слове Чагандык (Чагандык) видит „Чагантук“ и допускает, что чагандыки являются частью хойтов, вошедших в состав теленгутов в середине XVIII в.» [Убушаев 2006: 18–19]. По мнению Н. Н. Убушаева, гипотеза о сближении термина хойт с названием древних самодийских групп *сойот* ~ *сойит* не лишена основания, т. к. родоплеменное название *сойоны/сойоты* было распространено в Южной Сибири; в XVIII–XIX вв. и даже гораздо раньше — в XVII в. — русские называли сойотами всех тувинцев [Убушаев 2006: 17]. Этногенетическую связь между этнонимами хойт/хойит и сойан/сойонг допускает и Н. В. Екеев, поскольку, например, в бурятском языке переход начального *c* в спирант *h* (*x*) является вполне

закономерным явлением: «С большой долей вероятности можно утверждать о том, что этноним *хойт/хойут* является производным от этнонима *сойот/сойан/сойонг*» [Екеев 2008: 96].

Если рассматривать возможную взаимосвязь этнонимов хойт (хойит) и сойот (учитывая встречающееся в некоторых монгольских и тюркских языках чередование *c/h(x)*), то необходимо помнить, что в основе термина сойот ученые видят название горного массива Саяны. В формировании самих сойотов Н. Л. Жуковская выделяет три этнических пласта: самодийский, тюркский и монгольский [Жуковская 2002: 117]. Родственными сойотам являются тофалары Иркутской области, тувинцы Тоджинского кожуна Республики Тыва и цаатаны Хубсугульского аймака Монголии [Монгуш 2010: 192]. Оленеводство самодийского типа, характерное для тофаларов и тоджинцев, восходит к оленеводству саянского типа, которое известно цаатанам и дархатам Монголии. Таким образом, признание гипотетической связи между хойтами и цаатанами, а также в древности между хойтами и сойотами означает признание положения о том, что и хойты, и цаатаны в основе являются тюркоязычными группами, которые подверглись влиянию в различной степени монголоязычных групп. В этой связи небезынтересно отметить, что хотогойтов ряд исследователей относит к тувинским группам (например, см.: [Айыжы 2007]), а Н. В. Екеев предлагает рассматривать значение этнонима как ‘пришлый хойт’ [Екеев 2008: 96].

Хойты, как и батуты, относятся, как выяснил на основе анализа письменных источников Х. Окада, к древнейойратской группе западных монголов. Поэтому наличие общего клича у цаатанов и батутов может свидетельствовать о правоте ученых, считающих этнические группы цаатанов и хойтов родственными. Но цаатаны входят в состав субэтноса калмыков-торгутов, которые, согласно письменным источникам, являются в основе народом керейтского, или южно-монгольского, происхождения (истоки от керядов, или *керэд*). Различие в группах керядов и цаатанов отражено в бытовании этнонима, обозначающего группу цаатанов: *керэд-цаатн*.

Пролить свет на проблемы происхождения калмыцких цаатанов может анализ особенностей их языка. Н. Н. Убушаев, вы-

деляя в диалектной системе современного калмыцкого языка три территориальных говора (торгутский, дербетский и бузавский), относит цаатанский подговор к торгутскому говору наряду с оренбургским, уральским и хошутским подговорами [Убушаев 2010: 6–7]. На этом основании исследователь утверждает, что происхождение цаатанов связано как с этнической группой хойтов, так и с субэтносом торгутов. По его свидетельству, знаток культуры ойратов, ученый из КНР Ш. Норбо приводил пословицу, иллюстрирующую родство керейтов и цаатанов: *керэ шаазна хойр өрөлгин йиллл, керэд цаатн хойр үгин йиллл* ‘ворона и сорока – различия в перьях, керейты и цатаны – различия в словах (названиях)’ [Убушаев 2006: 20]. Совместное проживание керядов и цаатанов на одной территории, этнокультурные контакты между этими двумя группами не могли не обусловить постепенное стирание различий в их культуре.

Сходство с цаатанским «чакающим» подговором торгутского говора имеет язык сарт-калмыков (или каракольских калмыков, этнической группы, представители которой проживают в ряде сел и г. Пржевальске в Иссык-Кульской области Кыргызстана). Мнение о том, что язык сарт-калмыков является одним из говоров калмыцкого языка, высказывал Э. Р. Тенишев [Тенишев 1976: 87]; он не был согласен с утверждением Д. А. Сусеевой о том, что язык сарт-калмыков нельзя относить к калмыцкому языку на том основании, что их предки не участвовали в формировании калмыцкого этноса [Сусеева 1973: 42–43; цит. по: Тенишев 1976: 86]. Д. А. Павлов, системно описавший язык сарт-калмыков, считал, что они являются калмыками-торгутами и относятся к группе цаатанов [Павлов 1985: 109]. Н. Н. Убушаев, включающий язык сарт-калмыков в классификацию диалектных вариантов калмыцкого языка, отмечает: «Носители этого языка придерживаются у-, ү-вариантов, например: *хубчун* «одежда», *һурву* «три», *сумун* «стрела», *үвүл* «зима», *үмсүн* «зола». Наблюдается сохранение следов заднерядного гласного [и] ... Основной фонетической особенностью их языка является отсутствие согласного [и] и повсеместное употребление аффрикаты [ч] ... Морфологическая особенность: помимо аффиксов *-ин*, *-н*, *-а*, *-э* широко используются *-ан*, *-эн* ... [имеются] лексические особенности...» [Убушаев 2010].

В историографии происхождение этнической группы сарт-калмыков связывалось и с ойратской по происхождению этнической группой олётгов. Еще А. В. Бурдуков писал, что, по преданиям каракольских калмыков, их предки олётгы до распада ойратского государства кочевали в районе г. Токмака по р. Чу [Бурдуков 1935: 37]. Во времена разгрома Джунгарского ханства ойраты откочевали в разные стороны, и родоначальники каракольских калмыков — Бакша и Ошур (торговцы-узбеки, или хотоны, женившиеся на олётках) и их спутники Теке и Тюгүлбай — поселились со своими людьми на р. Или. Затем последовало еще несколько переселений, а после проведения в 1882 г. границ между Китаем и Россией кочевья сарт-калмыков остались на российской стороне; в 1884 г. они откочевали на места, где их посетил А. В. Бурдуков в начале XX в. («по Караколу и Чельпеку»). В документах они были зафиксированы как сарт-калмыки; «до тех пор они носили общее название кара-калмыков, сами же себя называли всегда олёт» [Бурдуков 1935: 54].

В. П. Санчиров, рассматривая этимологию термина *олёт*, отмечает, что племенное объединение олётгов (элётгов) сформировалось в XV в. под властью выходцев из аристократического рода *чорос*; в XVII в. олётгы разделились на джунгаров и дербетов [Санчиров 2011: 114]. Он отмечает два предлагавшихся учеными значения этнонима: от слова «мощный, крупный» (в значении «самое крупное племя ойратов») [Altanorgil 1987; цит. по: Санчиров 2011: 114] и как обозначение родства по свойству княжеских домов хойтов и чоросов [Okada 1987], во втором случае слово *олёт* рассматривается как собирательный термин, который относился как к древнеойратским группам хойтов и батутов, так и к древнейманской группе чоросов (дербетов и джунгаров (зюнгаров), так как последнее название дано олётгам в XVII в. по их месту в построении войска ойратов). В состав всех перечисленных групп могли быть включены тюркские этнические компоненты.

Рассмотрим отдельные этнические маркеры цаатанов-калмыков во взаимосвязи с анализом их происхождения.

Сходство этнической маркировки с другими группами торгутов у цаатанов наблюдается в признании общего этнонима торгут и в цветовой символике сакрального маркера родов — *өлгү*. Как и у практически всех

родов торгутов, у цаатанов цвет *өлгү* — белый и синий либо белый и голубой.

Отличия наблюдаются в следующих маркерах: уранах (кличах); части животного, приносимой в жертву огню во время ритуала *нал тэдлн*.

В социуме, традиционно представляемом символически в виде сочетания «костей» (родов) и «сочленений» (поколений) сакрального животного, выбор части туши жертвенного животного как знака «кости» (*ясн*) является семантически важным в ритуале жертвоприношения огню, имеющем истоки в промысловой и тотемистической обрядности. В среде торгутов распространен обычай принесения в жертву огню выступающих в качестве маркеров родовых и этнических групп трех костей: обязательно грудинной кости, а также передней или задней берцовой кости и/или реберной части туши. Этноразличительным признаком цаатанов является обычай предания огню головной части туши жертвенного животного. Такая традиция характерна для ряда групп калмыков-дербетов и зюнгаров, этногенез которых связан с ойратами-чоросами (чоросами). По мнению А. Ш. Кичикова, разделяемому ойратоведом В. П. Санчировым, именно эти два последних этнонима имеют тюркское происхождение, что объяснимо наличием тюркского компонента в этногенезе древних ойратов [Кичиков 1978: 79; Санчиров 2010]. В целом сложение ойратов происходило в регионе, населенном до прихода монгольских групп тюркскими этническими группами.

Учитывая вышеизложенное, рассмотрим этимологию одного из этнонимов, обозначающих монгольских цаатанов, во взаимосвязи с ураном калмыков-цаатанов.

Специфика субэтноса торгутов состоит в том, что среди торгутов существовал единый уран *ааг* (*ак*) в отличие от калмыков-дербетов, у которых ураны отличаются у разных этнических групп, входящих в этот субэтнос. Но цаатаны, будучи составной частью субэтноса торгутов, имеют собственный уран, сходный также с ураном батуттов, — *Туула тоха* или *Туулан тоха*. Краткий клич имеет и развернутую форму, в которой определяются другие признаки этнической группы: у цаатанов — *Туула тоха урата, шар моңл яста* ('С ураном «локоть зайца», с костью желтых монголов'); у батуттов Яндыковского улуса [Авляев 2002: 125] — *Туула тоха урата, баһ моңл яста*

('С ураном «локоть зайца», с костью «малых» монголов').

Рассмотренные положения о взаимосвязи ойратских групп хойтов, олёттов, цаатанов, батуттов, а также наличие общего урана у двух последних групп позволяют сделать вывод о возможном этногенетическом родстве хойтов, батуттов и цаатанов и вхождении их на раннем этапе в одно этнополитическое объединение олёттов с чоросами (от которых ведут начало дербеты и джунгары). Но возможно также, что знаком этногенетического родства с древними керейтами является сходство кличей: уран калмыков-керейтов — *туула*.

По результатам анализа письменных памятников Х. Окада сделал вывод о выделении среди ойратов древнеойратской (хойты и батутты), найманской (джунгары, дербеты), керейтской (торгуты), баргутской (баргу-бурааты) и восточномонгольской (хошуты) групп [Okada 1987: 181–211], участвовавших в сложении общности. Перечисленные древние группы в последующие века находились в тесных контактах, что обусловило их взаимопроникновение и консолидацию их представителей в рамках единого калмыцкого этноса.

Однако отдельные элементы архаичной культуры, зафиксированные в условиях относительно изолированного обитания калмыков в течение ряда веков от остального монгольского мира, сохранили свидетельства древних этногенетических контактов их предков. В данном контексте весьма интересно сопоставление урана цаатанов и батуттов, который, вероятно, являлся общим и для хойтов, с этнонимом, сохранившимся у монгольских цаатанов.

В Монголии самоназвание тувинских по происхождению групп звучит различно в зависимости от их локализации: *дыыыва* — у цэнгэльских тувинцев, *дыва* — у кобдоских. Хубсугульские тувинцы известны под названием *туха*, их также называют цаатанами [Монгуш 2010: 212]. Таким образом, у монгольских цаатанов бытует два варианта самоназвания: *туха* и *цаатан*. Данный факт может свидетельствовать о том, что слово *тоха* в уране калмыков-цаатанов — вариант произношения древнего этнонима, косвенно свидетельствующего о тюркском происхождении предков калмыцких цаатанов: смена гласных *о/ө* и *у/ү* характерна для диалектов калмыцкого языка (*горвн* — *гурвн*, *өвл* — *үвл* и т. д.). С учетом

того, что *туула* — уран керядов, представителями которых были ханы и нойоны в Калмыцком ханстве, словосочетание *туула тоха* [*туха*] могло символизировать общность двух этнических групп — керядов и цаатанов, составивших часть субэтноса торгутов.

В этой связи примечательно, что название *кок мончак*, которым обозначают китайских тувинцев, исследователи переводят и как ‘синее ожерелье’, и как ‘голубые шнуры’, или ‘голубые ленты’, так как, согласно легенде, когда-то представителей этой группы тувинцев отличали от других жителей региона по синим лентам, которые они носили на шее [Монгуш 2010: 213]. Как видим, у тувинских по происхождению групп встречаются маркеры, которые имеют сходство с сакральными маркерами цаатанов-калмыков.

Подводя итог вышесказанному, можно сделать следующие выводы.

Исходя из сходства сакральных символов в ритуале *нал тээлн*, можно сделать заключение о родстве «по кости» калмыков-цаатанов и калмыков-дербетов, культура которых восходит к чоросам (чоросам) и джунгарам (зюнгарам), в сложении которых значительное место занимал тюркский компонент. Однако этот факт может быть рассмотрен и как свидетельство того, что цаатаны (как часть хойтов) и батуты находились в одном союзе еще с XV в. с чоросами-олётами, с XVII в. получившими название джунгары.

С учетом результатов анализа клича (урана) следует не исключать возможность смены слов *туха* и *тоха*, помня о вариативности гласных *y/у* и *o/ө* в словах калмыцкого языка. Этот факт может являться подтверждением наличия тюркского субстрата у группы цаатанов. Тем более, что в легенде о родоначальниках сарт-калмыков-олётов (с языком, имеющим сходство с цаатанским подговором калмыцкого языка) фигурируют четыре человека, называемых хотонами.

Важно отметить также знаковую роль синего цвета в сакральных маркерах калмыков-цаатанов и тувинских «кок-мончаков». Синий цвет лент у цаатанов используется в сакральных маркерах *өлгү* (имевших форму полосок ткани либо лент/шнуров и даже халатов), которые были двух цветов — белого и синего/голубого. Такие *өлгү* характерны для калмыков-торгутов, а синие шнуры или полоски ткани — отличительный знак «кок-мончаков» — тюркской группы.

Таким образом, существуют различные варианты этимологии этнонима цаатан и соответственно по-разному рассматривается их происхождение, но в каждом из вариантов отмечается присутствие тюркских компонентов в их этногенезе. Если цаатаны — группа хойтов, то в их этногенезе, кроме монгольского суперстрата, возможен тюркский и даже самодийский субстрат. В пользу этого свидетельствует сходство знаков собственности (тамги) у цаатанов и хойтов, общий уран цаатанов и батутов. Если цаатаны имеют отношение к олётам (что можно заключить исходя из анализа ритуалов с огнем¹⁰), то необходимо учитывать, что наличие тюркского компонента доказано рядом ученых в этногенезе племени чорос. Если же цаатаны, как можно судить исходя из общего этнонима, связаны происхождением с предками тувинцев, то возможно рассмотрение урана цаатанов и батутов *туулан тоха* как варианта *туула туха*, где *туула* — уран керядов, *туха* — вариант слова *тува*. Таким образом, уран *туула тоха* может обозначать: 1) «локоть зайца» как тотемного животного, 2) «тува керядов» [группа тувинского происхождения, относимая к торгутам-керядам].

В составе ряда тюркских и монгольских народов встречаются этнические компоненты, сложившиеся в результате монголизации тюркских или тюркизации монгольских групп, к примеру, многие роды в составе бурят некогда были тюркскими, что подтверждается исследованиями по исторической этнографии и ономастике. Как отмечает исследователь бурятской этнической истории П. Б. Коновалов, в отношении ойратов и калмыков «подобная постановка вопроса представляется не менее, а, может быть, более актуальной, поскольку этническая история протекала в еще большей близости с тюркским ареалом и условия их формирования были совсем иными» [Коновалов 2011: 20]. Бурный этап истории ойратов, когда они активно участвовали в событиях военно-политической истории Монгольского государства, повлиял на трансформации в этническом составе ойратов. На этом этапе ойраты контактировали с остатками племен, попавших в орбиту Монгольской империи, в том числе тюркского происхождения. Од-

¹⁰ Примечательно также, что среди «костей» (ясун, или овог) олётов (*өөлд*) Монголии, наряду с другими, отмечаются элжигэд/илжгэд, чорос, шар-монгол, цагаан туг, хойд и др. [Екеев 2008].

нако и на более раннем этапе, будучи расселенными на сопредельных территориях, предки ойратов могли входить в контакты с тюркоязычными группами, в результате которых сложились монголоязычные общности. Потому вполне вероятна гипотеза о сойотско-хойтском родстве, основанная на данных ономастики, а также гипотеза о возможном происхождении цаатанов от хойтов и тюркско-уйгурском происхождении цаатанов Монголии. В этом аспекте с нашим выводом принципиально согласуется вывод П. Б. Коновалова о том, что этногенез и этническая история ойратов и калмыков, а также баргу-бурят «напрямую связаны с этносами, вышедшими из Уйгурского каганата, нежели с шивэй-монгольскими пришельцами» [Коновалов 2011: 29].

В то же время необходимо отметить, что рассмотрение сложных вопросов этногенеза различных групп, вошедших в состав калмыцкого народа, показывает их взаимное проникновение и высокую степень консолидации калмыцкого этноса.

Литература

- Айыжы Е. В.* Тувинцы Кобдоского аймака Монголии: этничность и культура. Кызыл: Тувинск. кн. изд-во, Тип. КЦО «Аньяк», 2007. 84 с.
- БАРМС* — Большой академический монгольско-русский словарь: в 4-х тт. Т. 4. М.: Academia, 2003. 532 с.
- Бакунин В. М.* Описание калмыцких народов, а особенно из них торгоутского, и поступков их ханов и владельцев: Сочинение 1761 года / вступ. ст. М. М. Батмаева. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1995. 158 с.
- Батмаев М. М.* Социально-политический строй и хозяйство калмыков в XVII–XVIII вв. Элиста: АПП «Джангар», 2002. 400 с.
- Батчулуун С.* Образ Цаган эбугена — Хозяина Земли в искусстве монголоязычных народов: Монголия, Калмыкия, Бурятия: дис. ... на соиск. уч. степ. канд. иск. Екатеринбург, 2004. 208 с.
- Бурдуков А. В.* Каракольские калмыки (сарт-калмыки) // Советская этнография. 1935. № 6. С. 47–73.
- Долбежев Б. В.* Судьба калмыков, бежавших с Волги. СПб., 1913. 161 с.
- Екеев Н. В.* Ойраты и алтайцы: этнические и этнокультурные связи и параллели // Проблемы этногенеза и этнической культуры тюрко-монгольских народов. Вып. 2. Элиста: Изд-во КалмГУ, 2008. С. 92–102.
- Жуковская Н. Л.* Сойоты Бурятии. История забвения и возрождения // Кочевая цивилизация Великой степи: современный контекст и историческая перспектива. Мат-лы Междунар. науч. конф. и Междунар. науч. форума. Элиста: АПП «Джангар», 2002. С. 122–126.
- Кичиков А. Ш.* О лингво-исторических реалиях термина ойрат // Типологические и художественные особенности «Джангара». Элиста: КНИИЯЛИ, 1978. С. 74–80.
- Коновалов П. Б.* Об ойратско-бурятской этноисторической общности: историко-археологическое исследование // Вестник Бурятского научного центра СО РАН. 2011. № 2. С. 20–32.
- Митиров А. Г.* Ойраты — калмыки: века и поколения. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1998. 384 с.
- Монгуш М. В.* Один народ: три судьбы. Тувинцы России, Монголии и Китая в сравнительном контексте. Осака: Национал. музей этнол., 2010. 358 с.
- Очиров У. Б.* Этнический состав «зюнов» торгутских улусов Калмыцкого ханства в 1-й половине XVIII в. // Проблемы этнической истории и культуры тюрко-монгольских народов. Элиста: КИГИ РАН, 2009а. С. 101–113.
- Очиров У. Б.* Роспись князя И. Ф. Барятинского 1733 г. как источник по этнической и демографической истории калмыков // Проблемы этнической истории и культуры тюрко-монгольских народов. Элиста: КИГИ РАН, 2009б. С. 87–100.
- Павла Д.* Хар холын хальмгуд // Проблемы современных этнических процессов в Калмыкии. Элиста: КНИИ ИФЭ, 1985. С. 107–116.
- Потапов Л. П.* Очерки народного быта тувинцев. М.: Глав. ред. вост. лит., 1969. 402 с.
- Санчилов В. П.* Об этимологии главных ойратских этнонимов // Гуманитарная наука Юга России: международное и региональное взаимодействие. Мат-лы Междунар. научн. конф.: в 2-х ч. (г. Элиста, 20–23 сентября 2011 г.). Ч. II. Элиста: КИГИ РАН, 2011. С. 110–116.
- Сусеева Д. А.* К проблеме соотношения калмыцкого языка и калмыцких диалектов // Совещание по общим вопросам диалектологии, истории языка: тез. докл. и сообщ. (Ереван, 2–5 октября 1973 г.). М., 1973. С. 42–43.
- Тенишев Э. Р.* О языке калмыков Иссык-Куля // Вопросы языкознания. 1976. № 1. С. 82–87.
- Убушаев Н. Н.* Проблема сложения диалектной системы калмыцкого языка и ее функционирование: автореф. дис. ... на соиск. уч. степ. д-ра фил. наук. М., 2010. 66 с.
- Убушаев Н. Н.* К вопросу этногенеза хойтов // Научная мысль Кавказа. 2006. № 3. Спецвыпуск. С. 17–21.
- Хойт С. К.* Об этнониме хойт [Электронный ресурс] // URL: <http://journal.ica.ras.ru/online/> (дата обращения: 10.09.2010).
- Цюримов А. В.* Калмыцкое ханство в составе России: проблемы политических взаимоотношений. Элиста: НПП «Джангар», 2007. 464 с.
- Эрдниева У. Э.* Калмыки. Историко-этнографические очерки. 3-е изд. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1985. 282 с.
- Okada H.* Origins of the Dorben Oyirad // Ural-Altaiische Jahrbücher. Neue Folge. Band. 7. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1987. S. 181–211.